

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2024.1.01

УДК 271.2–726.6+342.542.5]:930.2(470.53)"1920/1930"

ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНОГО СТАРОСТЫ В.И. ВОЛОКИТИНА, ЛЮБИВШЕГО СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ – БЕЗ ВЗАИМНОСТИ

А.И. Казанков

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Российская Федерация

О СТАТЬЕ

Поступила: 13 февраля 2024 г.
Одобрена: 15 февраля 2024 г.
Принята к публикации: 01 марта 2024 г.

Ключевые слова:

история повседневности, история советской России, уральская деревня, религия, православная церковь, церковный приход, коллективизация, источники личного происхождения, жизненный мир крестьянина.

АННОТАЦИЯ

Исторический анализ повседневной религиозности западноуральского крестьянства в первой половине XX века остается актуальной исследовательской задачей. Особую значимость подобному предмету придает то, что на рубеже 1920–1930-х годов деревня пережила одну из самых масштабных социальных трансформаций, начало которой положила кампания по сплошной коллективизации. Для втянутых в этот процесс крестьян религиозность (и тип повседневной ментальности в целом) оказывалась фактором, который иногда определял характер практических действий и судьбу человека.

Задавшись целью реконструировать крестьянскую повседневность давно ушедшей эпохи, исследователь обязательно столкнется с проблемой дефицита аутентичных свидетельств, исходящих из интересующей его среды. В статье рассматриваются методологические и источниковедческие проблемы, связанные с изучением повседневной деревенской жизни в раннесоветскую эпоху. Обосновывается возможность привлечения в качестве источников личного происхождения документов, хранящихся в архивно-следственных делах.

На основании заявления в органы НКВД восстановлена повседневная жизнь крестьянина-единоличника В.И. Волокитина с 1917 по 1935 год. Василий Иванович Волокитин, инвалид Первой мировой войны, имевший награды и пенсию за ранение и контузию, принимал участие в установлении советской власти в Прикамье. Его семья подверглась репрессиям в то время, когда Кунгурский и Осинский районы были заняты частями Сибирской армии. Советскую власть он считал своей и усиленно демонстрировал лояльность в заявлении, адресованном оперуполномоченному В.А. Кушкину. Но, будучи религиозным человеком и церковным старостой, В.И. Волокитин избегал вступления в колхоз. Он надеялся на то, что скромное хозяйство единоличника-инвалида не привлечет внимания властей. В итоге его имущество было описано и распродано, а сам он оказался под следствием как участник фиктивной «церковно-монархической организации». Анализ биографии В.И. Волокитина позволяет увидеть характерные паттерны крестьянской ментальности, а также действие механизмов властного принуждения, наблюдаемые «снизу».

© Казанков Александр Игоревич – кандидат философских наук, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6647-5047>, e-mail: tokugava2005@rambler.ru.

© Alexander I. Kazankov – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6647-5047>, e-mail: tokugava2005@rambler.ru.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Вклад автора. 100 %.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

THE STORY OF THE CHURCH WARDEN V.I. VOLOKITIN, WHO LOVED THE SOVIET GOVERNMENT – WITHOUT RECIPROCITY

Alexander I. Kazankov

Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 13 February 2024
Revised: 15 February 2024
Accepted: 01 March 2024

Keywords:

history of everyday life, history of Soviet Russia, Ural village, religion, Orthodox Church, church parish, collectivization, sources of personal origin, life world of a peasant.

ABSTRACT

The historical analysis of the daily religiosity of the West Ural peasantry in the first half of the twentieth century remains an urgent research task. Of particular importance to such a subject is the fact that at the turn of the 1920s – 1930s, the village experienced one of the most extensive social transformations which began with a campaign for total collectivization. For the peasants involved in this process, religiosity (and the type of everyday mentality in general) turned out to be a factor that sometimes determined the nature of practical actions and the fate of a person.

Having set out to reconstruct the peasant everyday life of a bygone era, the researcher will certainly face the problem of a shortage of authentic evidence coming from the environment of interest to him. The article deals with methodological and source-based problems related to the study of everyday village life in the early Soviet era. The possibility of using documents stored in archival and investigative files as sources of personal origin is substantiated.

On the basis of an application to the NKVD, the daily life of an individual peasant V.I. Volokitin from 1917 to 1935 is restored. Vasily Ivanovich Volokitin, a disabled veteran of the First World War who had awards and a pension for injury and concussion, took part in the establishment of Soviet power in the Kama region. His family was subjected to repression at a time when the Kungursky and Osinsky districts were occupied by units of the Siberian Army. He considered the Soviet government his own and strenuously demonstrated loyalty in a statement addressed to the operative V.A. Kushkin. But, being a religious man and a church warden, V.I. Volokitin avoided joining the collective farm. He hoped that the modest household of a disabled individual peasant would not attract the attention of the authorities. As a result, his property was seized and sold off, and he himself was under investigation as a participant in a fictitious "church-monarchist organization." The analysis of V.I. Volokitin's biography allows us to see the characteristic patterns of peasant mentality, as well as the action of mechanisms of power coercion observed "from below".

Это исследование представляет собой опыт реконструкции повседневной жизни крестьянина Василия Ивановича Волокитина, проживавшего некогда в Кунгурском районе нынешнего Пермского края. В первый раз его фигура возникнет перед нами на фоне бурных событий революции и Гражданской войны на Западном Урале, в последний – в феврале 1937 года, когда он отправится «этапом в г. Мариинск, в распоряжение Нач. Управления Сиблага НКВД» [1, л. 86]. Заключительный год той части своей жизни, о которой сохранились документальные свидетельства, он провел в тюрьмах городов Кунгура и Свердловска.

История повседневности оформилась в Германии как одно из ревизионистских течений, оппонирующих «концепции тоталитаризма», в 70-х годах XX века [2]. С самого начала представителей этой школы отличало пристальное внимание к жизненному миру маленького человека (поскольку это явно «снижающее» определение в российском гуманитарном знании уже стало общепринятым, автор будет использовать его без кавычек).

За последние два десятилетия исследования повседневности в России сложились в самостоятельную, быстро развивающуюся историографическую традицию. Хочется отметить, что особенную, «парадигматическую» роль в этом процессе сыграли тексты, посвященные именно советской повседневности [3, 4]. Несмотря на то, что одной из базовых установок этого научного направления является принципиальная локальность, индивидуация предметов изучения (что роднит его с микроисторией), уже появились работы, номинально представляющие обобщенный образ повседневности советской эпохи [5]. Критика подобных генерализаций

не входит в задачи автора. В методологическом плане она почти буквально воспроизвела бы давнюю полемику между А.Я. Гуревичем и редакцией журнала «Казус» по поводу «средневекового человека как такового» [6, с. 401–427].

Укажем лишь на одну весьма характерную aberrацию, которую легко обнаружит любой внимательный читатель подобных текстов. В них обитатель советской повседневности работает на заводе или служит в учреждении, учится в техникуме или вузе, посещает магазины и предприятия общепита, обращается в поликлинику и ложится в больницу, следит за модой и шьет одежду у портного (портнихи), пользуется услугами общественного транспорта, живет в коммунальной или отдельной квартире, в бараке и т.д. Этот человек подозрительно похож на *горожанина*. Вместе с тем еще накануне Второй мировой войны, даже с учетом социальных последствий форсированной индустриализации, большинством населения СССР были жители сел и деревень, обитатели хуторов и выселок, а на Урале – к тому же и заводских поселков, «заводов».

Историю, как известно, пишут победители. Реалии модернизации таковы, что урбанистический ландшафт со временем неизбежно и повсеместно оказывается преобладающим – какой бы спецификой ни обладал этот процесс в советской России. И в исторической перспективе именно повседневные практики горожан, их типы ментальности и структуры жизненных миров утвердятся в качестве социальной нормы. Однако реконструкция советской повседневности была бы не полна без попыток выйти за пределы городских окраин. Туда, где когда-то как раз и проживало большинство вышеупомянутых маленьких людей.

Задача эта тем более актуальна, что именно – в общем говоря – в деревне (каким бы термином она ни обозначалась) на рубеже 20–30-х годов XX века происходили процессы колоссального масштаба и значимости – поистине формационный сдвиг, в настоящее время уже хорошо описанный и документированный [7]. Правда, описанный и документированный с точки зрения «больших социальных тел», а не в контексте истории повседневности, которая пишется «...не сверху, через восприятие сильных мира сего, и не через официальный дискурс, а как бы снизу и изнутри» [8, с. 14]. Попытки увидеть процесс с точки зрения проигравших – маргинализированных и криминализированных жертв, участников, против воли вовлеченных в происходящее, встречаются гораздо реже [9].

В известной степени виной тому является строгость требований, предъявляемых методологией к источниковой базе. Для того чтобы увидеть нечто «снизу и изнутри», проникнуть внутрь жизненного мира маленького человека, оказаться в наполненной смыслами повседневности ушедшей эпохи, историк должен располагать соответствующими свидетельствами – источниками личного происхождения. Повседневная жизнь не раскрывается при помощи аналитических процедур, применяемых к документам обычных фондообразователей архивов – социальных институтов. Она буквально *сказывается* аутентичной речью погруженного в нее актора, а задача исследователя заключается в том, чтобы *вслушиваться* (вчитываться) и истолковывать ее.

Поэтому историки повседневности вынуждены работать с письмами, дневниками, мемуарами – *par excellence*. Если возможно – с материалами интервью. Именно это обстоятельство превращает реконструкцию повседневности маленького человека, заурядного деревенского жителя в большую, трудноразрешимую проблему. Крестьяне и крестьянки, жившие в 20–30-х годах XX века, крайне редко писали письма. Еще реже эти письма доходят до современных исследователей¹. Обитатели хуторов, выселок и заводских поселков не вели дневни-

¹ В настоящее время появляются исследования, посвященные письмам фронтовиков Великой Отечественной войны. Эти письма действительно являются массовым историческим источником, но они принадлежат уже другой эпохе и другой повседневности. См., например: Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

ков, жертвы не оставили мемуаров. Их не фотографировали на полосы газет и журналов, не снимали для кинохроники, а добросовестные нотариусы не составили описей принадлежавшего им имущества. Опросить этих людей уже невозможно. Перед нами настоящее «безмолвствующее большинство», не оставившее после себя практически никаких следов. А потомки, среди которых – и автор данных строк, согласно удивительно точному наблюдению В. Конецкого, обычно «...после деда в своем прошлом знают сразу Адама» [10, с. 104].

Выход из этого историографического тупика существует, но весьма не прямой и непрямой. Дело в том, что в 20 – 30-х годах XX века в СССР регулярно встречались прецеденты, когда деревенского жителя подробно интервьюировали (документируя его ответы), наводили о нем справки в низовых органах власти (сельсоветах), опрашивали его родственников и односельчан, изымали бережно хранимые им бумаги. И даже составляли опись «лично принадлежащего имущества». Для этого было нужно, чтобы крестьянин или крестьянка подверглись аресту и (или) суду. А поскольку такое происходило, и не раз, то в распоряжении историка раннесоветской повседневности оказываются архивно-следственные дела – гуманитарный эквивалент камеры Вильсона, позволяющей физикам установить существование ненаблюдаемой частицы по оставленному ею следу.

Пожалуй, след, или улика [11] – наиболее адекватное описание того, как повседневность ушедшей эпохи присутствует в документах подобного рода. В действительности архивно-следственное дело представляет собой коллекцию (коллектор?) источников различных типов: документов внутриведомственного делопроизводства, анкет, справок из властных органов, протоколов допросов, собственноручных показаний, жалоб, письменной фиксации устных сообщений агентов-осведомителей, изъятых писем, памятных (записных) книжек, фотографий. Назначение этих свидетельств не вызывает сомнения – в их содержании должен обнаруживаться *corpus delicti*, а вот принцип отбора коллекционером (коллектором?), т.е. оперуполномоченным ОГПУ-НКВД, далеко не всегда ясен. Критики источников, извлеченных из архивно-следственных дел, неоднократно указывали на то, что в них могут присутствовать явные фальсификации.

Однако, сделав поправку на следовательский *páθος*, мы вправе ожидать, что в своих показаниях, жалобах и записках начальству, составленных характеристиках и справках, даже в доносах на соседей и т.д. деревенские жители неизбежно и спонтанно будут предъявлять свою ментальность. То есть привычки сознания, элементы картины мира, представления о человеческих отношениях, оценку совершенных поступков, описание обыденных, рутинных практик, видение социальных и политических процессов, социальную память – и именно «снизу и изнутри».

Поскольку, *mutatis mutandis*, перед нами все-таки источники личного происхождения, пусть и созданные в результате принуждения, то повседневность эпохи в них должна присутствовать, пусть и на уровне следов (или улик). Разумеется, в отличие от дневников, мемуаров и писем, в разорванном, узкоаспектном и абстрактном (одностороннем) виде. Ее следы обнаруживаются как непреднамеренные обмолвки, оговорки, несущие некое избыточное (по отношению к задачам следствия) содержание. Вот, к примеру, ни один следователь, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, не станет задавать вопросов, как арестованный крестьянин или крестьянка воспринимает время. Но можно найти ситуацию, в которой сам подследственный произвольно приведет светский календарь к церковному, датируя значимое для него событие («на второй неделе великого поста», «на девятую пятницу» и т.п.), или выскажется о том, кто «молод», а кто «стар». Тем самым он (она) продемонстрирует, в каком ритме протекает его повседневное время и с какой скоростью оно движется в его жизненном мире.

При этом каждое подобное сообщение драгоценно, потому что, как правило, просто не имеет альтернатив. Задача же историка повседневности заключается в том, чтобы, используя знание социально-исторического контекста и фундаментальных культурных кодов, осуществить дефрагментацию этих разрозненных элементов. Это трудное предприятие, успех которого отнюдь не гарантирован. Обязательным условием его выполнимости является соотнесенность используемых свидетельств с единым хронотопом и одним и тем же социальным кругом.

Сообщив все необходимое и достаточное о своей цели, методологии и приемах работы с весьма специфическими источниками, автор обязан обрисовать контекст, в котором был создан документ, который в дальнейшем для краткости будет именоваться «заявление Волокитина».

Василий Иванович Волокитин был арестован Кунгурским РО НКВД в октябре 1935 года среди 23 фигурантов дела «контрреволюционной организации «ИПЦ» (Истинно-православная церковь. – А.К.) монархистов-церковников»². Вышеупомянутая организация «реакционного духовенства и монашества», якобы действовавшая на территории Пермского и Кунгурского районов, являлась структурой сугубо фиктивной. Она от начала и до конца была сфабрикована начальником III отделения секретно-политического отдела (СПО) УНКВД Свердловской области М.Г. Купер-Михеевым по готовым лекалам процессов, с 1930 по 1932 год проходивших в Москве, Казани и Ленинграде. Михаил Григорьевич тоже хотел отличиться и готовил свой собственный масштабный спектакль. Однако выяснилось, что следование апробированному шаблону еще не является залогом успеха. Прошедший в июне 1936 года в г. Кунгуре судебный процесс развалился, многие обвиняемые отказались от своих показаний. Спецколлегия Верховного Суда СССР приговор не утвердила и в августе того же года вернула дело на следствие, продолжавшееся три месяца.

Именно в это время (25.10.1936) заключенный Кунгурской тюрьмы Василий Иванович Волокитин получил у надзирателя 10 линованных листочков скверной серой бумаги тетрадного формата и простой карандаш, при помощи которого написал длинейшее письмо на имя оперуполномоченного III отделения СПО УНКВД Свердловской области В.А. Кушкина. В настоящее время этот документ находится в специальном конверте тома вещественных доказательств по делу № 21183, хранящегося в фонде 643/2 Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ).

Для того чтобы оценить редкость (если не уникальность) этого исторического источника, достаточно указать на ряд обстоятельств. Прежде всего, к моменту ареста в 1935 году Волокитин был «уходящей натурой»: оставался середняком-единоличником³, ни разу не подвергался раскулачиванию и при этом всячески избегал вступления в колхоз. Более того – он был церковным старостой⁴ в приходе Юго-Осокинского заводского поселка. Важно упомянуть, что Василий Иванович никогда надолго не покидал пределы своей сельской округи. Это привязанность к определенному пространственному локусу на протяжении почти полувека (родился он в 1886 году) превращает Волокитина в эталонный продукт определенного уклада повседневной жизни, воплощение социальной нормы – если использовать подход, предложенный Н. Лебиной. С одним важным уточнением – нормы, существовавшей до «великого перелома». А после него он чем далее, тем более стал превращаться в вопиющую социальную аномалию.

При этом сам Волокитин не изменился ни на йоту, представляя все тот же типаж западноуральского крестьянина, и отчаянно пытался волочь на себе повседневность, в которой ро-

² Так она впервые обозначена в постановлении об аресте и содержании под стражей Рождественского И.В. от 21.12.1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Л. 24 – 24 об.

³ Сам он утверждал, что «по среднему я не жывал», т.е. относил себя к беднякам.

⁴ По его собственным словам, он был церковным старостой «одни сутки».

дился и жил – как улитка свой домик. Но мир вокруг него перевернулся, а если выразиться более точно – у привычного ему жизненного мира обнаружился предел, «его же не преиდეши». Наш герой тем и интересен, что он, находясь в пространстве усвоенного габитуса и традиционной ментальности, пытался как-то осмыслить происходящие перемены и как-то к ним адаптироваться. Потерпев в итоге закономерное фиаско.

Что касается формальных характеристик «заявления Волокитина», то все они свидетельствуют о его аутентичности. Текст написан карандашом, без правок и помарок. Он расположен очень плотно и занимает все десять листов. Автор не выделяет абзацев и почти никогда не разделяет предложений. При этом почерк уверенный, знаки отчетливо различимы. Василий Иванович, указавший в анкете арестованного, что он «самоучка», периодически употреблял буквы дореформенной азбуки и неукоснительно ставил твердый знак после несмягченных согласных в конце слова. При цитировании автор не будет воспроизводить эту особенность текста, сохраняя при этом его орфографию и пунктуацию. Последние (как и обилие просторечных оборотов, диалектизмов) выдают малообразованного человека, придерживавшегося известного правила: «Как слышится, так и пишется». Поэтому догадаться, к примеру, что «посмотри на блокаду» означает «посмотри на плакат», можно только из контекста. Однако среди односельчан Волокитин пользовался определенной репутацией – во время кампании по ликвидации безграмотности его выбрали «вучителя учеть взрослых», но он отказался, сославшись на нездоровье.

Содержание «заявления Волокитина» целиком определяется ситуацией, в которой находился его автор. Он провел год в заключении, пережил судебный процесс, приговор которого так и не вступил в силу. Василий Иванович лелеял надежду оправдаться, доказать, что стал жертвой навета. Поэтому его текст, лишенный с точки зрения содержания какой-либо логической структуры и представляющий собой сплошной поток сознания, все-таки можно условно разделить на две части. Поскольку Волокитин был убежден, что стал жертвой клеветы со стороны о. Иоанна (Рассказчикова), именуемого «поп Раскашиков», и его прихвостней – бывшего церковного старосты Горбунова и «подговоренного Вялых», то первая часть заявления посвящена их разоблачению. Это форменный донос, целью которого является дискредитация гипотетических свидетелей обвинения. В нем можно выделить самостоятельную, не связанную по содержанию с контекстом новеллу о том, как единоличник Волокитин пытался спасти от полного краха свое хозяйство (отправившись ходоком во ВЦИК), и впечатляющее описание итога (включая описывание и распродажу его имущества). События, описанные в этой части, охватывают период 1933 – 1935 годов.

Поставив подпись под первой частью («ксему заявлению точно и верно подписуюсь»), Василий Иванович стал писать вторую, цель которой тоже очевидна: он обращался «косвоей сов власти», напоминая о своих заслугах, лояльности и благодарности. Он хотел ей понравиться, вызвать симпатию – и, разумеется, становился жертвой игры отражений. «Сов власть», к которой он обращался, была в действительности властью, существующей в представлении единоличника Волокитина, и при этом, почему-то, оказалась персонифицированной в лице оперуполномоченного В.А. Кушкина. Ей он представил свою биографию – тщательно стилизованную и купированную во многих местах – пытаясь вообразить, как угодить этой воображаемой власти. Эту биографию мы и попытаемся реконструировать, восстановив по мере возможности умолчания и лакуны, а начинается она фактически с 1917 года.

О своей жизни до установления советской власти Волокитин в заявлении говорит мало, пропускает очевидные пропуски и всегда немного привирает: «Я до 1919 года был батрак А отец хо-

дил померу 14 года» [12, л. 270]. Василий Иванович научен жизнью – бывших батраков, по его представлению, советская власть должна любить. А отца он и вовсе изобразил нищим («ходил по миру»). Но в протоколе допроса, составленном 12 октября 1935 года, он сообщил другое. Наш герой не батрачил, а занимался «отходничеством – малярные и др. работы», равно как его отец отнюдь не побирался, а имел «небольшой дом, лошадь и 10 дес. земли» [13, л. 78].

Но был в его жизни до октября 1917 года эпизод, о котором говорить не хотелось, а умолчать о нем Волокитин не мог: он около полугода проработал полицейским стражником в селе Ленском Кунгурского района. Именно за это Василий Иванович впоследствии попадет в «лишенцы» (о чем честно сообщит), а главное, об этом знал его гипотетический враг и клеветник «поп Раскашиков»: «Ета он сказал что был метинг на метинге было кто за религию тот поднимай руки но он сказал что поднял один Алекскей Челников его вычистили исколхоза. А тебя обезательно потому что ты служил стражником» [14, л. 267].

Самое удивительное в автобиографии Волокитина то, что он ни словом не обмолвился о своем участии в Первой мировой войне. А он не просто в ней участвовал, но имел «кресты и медали». Василий Иванович упомянет о них, поскольку боевые награды станут одной из пружинок повествования о его подвигах в пору Гражданской войны. Если прибавить к этому то, что он называет себя инвалидом («как я инвалид 2 группы» [14, л. 264 об.]), имел «пензионное свидетельство и книжку покоторой был награжден» [14, л. 268 об.], а также то обстоятельство, что наш герой страдает «припадочной болезнью», мы вправе предположить в его прошлом тяжелое ранение и контузию. Волокитин отчетливо понимал, что козырять фронтовым прошлым «империалистической» войны не стоит.

По-настоящему подробное повествование о себе Василий Иванович начинает с момента установления советской власти в Кунгурском и Осинском уездах в 1917–1918 годах. Вероятнее всего, используемый риторический прием призван означать – началась настоящая жизнь. Этот фрагмент истории крестьянина заслуживает того, чтобы привести его целиком:

«...был защитником сов власти в Юговском селе наето есть справка заверена сельсоветом я был с двумя добровольцами там получился бунт Константина Филипова ударили топором поголове а Антипу Батракова избили так раненова и избитого я представил в больницу. И вто время двух арестовали из больницы я пошел за новым приказом и сразясненеем косвоей сов власти. Они направили отряд около 25 человек ходили опять на облаву но нечего не вышло кого надо было но он убежал Мы остались с партейцем Петром Емельянычем Кочергиным для восстановления порядка Относительно вывоски государственнаго леса поприказанию сов власти мы явились на районной сезд вовремя районова сезду туски⁵ и кулачки хотели разбить светску власть ктому времени был потребован на помощ осинский отряд когда начали кулачки по нам стрелять но мы совмесно с осинским отрядом все разогнали были две жертвы 1 убита 2 ранены после етого миня назначили на дороги за сташаго чтобы недавать вывоску хлеба и продукты и леса без разрешенея сель совета Я в скором времени как был больной не много попростыл и заболел тогда винтовку у меня отобрали и дали удостоверенее как был защитником власти Удостоверенее было подписано Андрей Гуряныч Тепляков Василей Антонович Напескин и Степан Григорич Лямин и секлетарь Александр Ив. Шавелин. И теперь ето могут потвердить Кочергин П.Е. Напескин В.А. он же и выдавал винтовки получены из Осы и Павел Орлов. Ето парт. И Иван Пвлыч Черников который ходил сосвоей винтовкой после прихода ее отобрали» [14, л. 267 об. – 268 об.].

⁵ Тузки – уменьшительное от «тузы». «ТУЗ 2. Перен. Важный, влиятельный человек (чиновный или богатый, разг. устар.). Толковый словарь русского языка. Под. ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935. Т. IV. С. 824.

В этой истории стоит выделить несколько элементов. Волокитин называет себя участником подавления вооруженного бунта и установления советской власти в селе Юговское, а также разгона выступивших против советской власти «тузков и кулачков» на районном съезде. Упоминание о жертвах словно посылает власти сигнал – я тоже мог пострадать. Хотелось бы отметить, что в представлении Василия Ивановича его «подвиг» имеет двойную легитимацию. Упомянуто «удостовереннее» (участь которого вскоре прояснится), но рядом перечислены свидетели («теперь ето могут подтвердить»). Первое – явный атрибут канцелярской культуры модерна, но вот второе является прямой отсылкой к традиционной культуре, где подтверждение очевидцами не менее, а иногда и более важно, чем демонстрация «бумаги» [15].

Новая власть, подчеркивает Волокитин, сразу дала ему ответственное поручение: контролировать вывоз леса, хлеба и продуктов «на дороги за старшего». Значит, доверяла и ценила. Он немедленно привлек к сотрудничеству с советской властью членов своей семьи: отца и брата («Я его посылал с братом на охрану леса и потом его послали охранять мельницу»). Далее Василий Иванович пытается еще увеличить свой символический капитал:

«Татьяна Петровна Волокитина ее сыновя смотря на дядю были оба добровольца один восе⁶ а другой мой крестник взаводе котораго Белы растреляли. Во время отступления я был оставлен по справке и опять дали мой семе справку что бы после возврата не получилось какого небудь не доразуменейа Когда белые взашли и стали кое где обыскивать вто время с книгам партии большевиков Кумунистов сожгли нечаено и справки когда вошли и стали сразу растреливать Мои два добровольца Филипова и Батракова растреляли миня потребовали на другой день» [14, л. 268 об.].

Приход белых представлен автором мемуара как катастрофа: немедленно начинаются обыски и расстрелы. Вчерашние заслуги грозили превратиться в пункты обвинения. У Волокитина погибает племянник и оба добровольца, с которыми он с оружием в руках устанавливал советскую власть. Выясняется судьба справки: по словам нашего героя, ее «сожгли нечаено», вместе с другими «большевистскими» бумагами. Василий Иванович вновь лукавит – сжег он ее, разумеется, нарочно, прекрасно понимая ценность документа в случае возвращения «сов власти», но и смертельную опасность оного в сложившихся обстоятельствах. Тем более в перспективе явки в комиссию, куда его «потребовали на другой день».

Следует признать, что Волокитин сумел правильно оценить ситуацию. Раз «белые взашли», то его единственный козырь – заслуги перед Российской империей. И он идеально разыграл своего «туза в рукаве»:

«Я надел кресты и медали и пошел там в комисеи сидело б человек Михайло Левотыч Фофанов, Анндрей Колесов, и Павел Иваныч Черников и Артемей Иваныч Трудников и двое юговскх крестьян спросили меня ходил юговское ходил посадить его но Черников стал застаивать его сын тоже ходил и стал застаивать Трудников но четверо велели посадить но солдат садить не стал вида крестов и предупредил их что садить нельзя Они тогда отобрали пензионое свидетельство и книжку покоторой был награжден послали это под 24 ч. а куда незнаю» [14, л. 268 об.].

Автобиографическая часть заявления Волокитина предьявляет нам одну из массовых практик времен Гражданской войны – на микроуровне, глазами непосредственного участника. После того как Осинский и Кунгурский уезды были заняты подразделениями Сибирской армии, в них была создана комиссия по расследованию советской деятельности. Все ее члены были местными уроженцами, и своих личных знакомых Василий Иванович перечислил по-

⁶ «в Осе».

именно, неназванными оказались только два крестьянина из села Юговское. Нашего героя быстро уличили в том, что он именно там и отличился («ходил вюговское ходил»). Большинство членов «комисей» решили подвергнуть Волокитина репрессии. Двое высказались против – не из соображений лояльности белым/красным, а по сугубо лично-семейным обстоятельствам, вполне ему известным и понятным.

Но в итоге судьбу Василия Ивановича решил анонимный «солдат», который и в комиссию-то не входил. Волокитин не был реабилитирован, но его приговор был «приостановлен» за прошлые заслуги. Он отчетливо понимал всю шаткость своего положения, поэтому отказался замолвить словечко за «партизанку»: «прибежала пратизанка Наталья Михайловна Кулакова и она токо освободилась и стала просить как небудь хлопотать но я ей сказал что я сам под етем влиянием не решился хлопотать» [14, л. 269].

Следующий эпизод ясно показывает, что если обязательства перед «соратниками по борьбе» были для Волокитина довольно относительно, то родственные связи являлись безусловными. Когда арестовали отца и брата, которым он покровительствовал в их советской карьере, Василий Иванович немедленно начал «хлопотать». Сначала спас отца:

«И через несколько дней посадили моего отца которого эта комиссия приговорила расстрелять... написал заявление подписались 12 час. ночи пошел каменданту но через попа Духонина меня к нему пропустили Я объяснил в чем дело и тут тоже стоит мужик жалуется на Михайла Лев. Фофанова камендант послал разыскивать Фофанова но он скрылся тогда отца отменил расстреливать и велел мне прити на сход» [14, л. 269].

Ситуация наглядно демонстрирует, что в критические минуты Волокитин вовсе не выглядит глуповатым деревенщиной. Он собран, активен и использует все возможные ресурсы для достижения цели – при посредничестве священника (который, кстати, на стороне арестованного) глубокой ночью Василий Иванович добился встречи с «камендантом». Расстрел был приостановлен, и, что еще интереснее, – судьбу отца опять должен был решить сельский сход.

На сходе присутствовал полный тезка нашего героя «из гор. Осы Василий Иваныч Волокитин 1й член⁷ управы» [14, л. 269]. Волокитину запомнилось гневное выступление либерального земского деятеля, обвинявшего жителей Юго-Осокино в необоснованной жестокости: «Он на сходе говорил что у вас здесь такое 12 годов и то расстреливайте покакойто злобе» [14, л. 269]. Деталь интересная – получается, после того, как «белые взашли», смертные приговоры выносились даже детям⁸, и выносила их не колчаковская контрразведка, а «комисей» односельчан. Автор воспоминаний не опровергает однофамильца, но, возможно, его в тот момент не интересовала правдивость слов «1-го члена». Главное, что сход помиловал его и отца, голосуя по традиции – криком:

«...после оцова заявление зачитал и отца приказали освободить и стали говорить про меня но насходу как заслужены кресты тоже скричали освободить тогда пошли соцом домой Отец дома стал падать в ноги и заревел что меня изатибя хотели расстрелять» [14, л. 269].

Потом настал черед выручать брата:

«Опять попал барт Павел Иван. Волокитин и он просит похлопотать Я написал заявление на сход тут получилось сам такой и хлопочет о брате вы все кумунисты Я объяснил докажите но всетаки крикнули оставить я тогда взял сразу одобрительную бумагу заверили и пошел в Кон-

⁷ В составе уездной земской управы были два члена – первый и второй.

⁸ Это вполне согласуется с наблюдениями автора о том, что в жизненном мире уральских крестьян в начале XX века детства как особого и привилегированного периода жизни еще не было. См.: Казанков А.И. У «последних времен»: восприятие времени жителями российской провинции в первой половине XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. Вып. № 4 (33). С. 294–317.

гур за братом А брат весь очишен Когда пришел кстан. предъявил справку тогда дали пропуск повидатся но камендант сказал я сам его буду допрашивать там еще оказался Кулаков Алексей Михайлович учитель и он тоже просит похлопотать когда стали допрашивать я поговорил его оставили по первому разговору а брата по второму с приемом вармею А я его время под страхом но втюрме через сартир сумел передать от тетки денги» [14, л. 269 – 269 об.].

Снова судьбу Павла Ивановича Волокитина решил сход, хоть и нехотя. В тексте присутствует одна любопытная деталь: брата-«коммуниста» после двукратного допроса зачислили в Сибирскую армию белых. Но самого Василия Ивановича, и так натерпевшегося страху, в покое, по его словам, не оставили: «...после возврата из Конгура комне пришли собыском когото искали но неково не нашли И тут был Виктор Толчков он мне сказал по берегися ктото сказал что умения комунисты находятся» [14, л. 269 об.].

Еще раз во время Гражданской войны его жизнь повисла на волоске в момент очередной смены власти. Приближался Восточный фронт красных, встал вопрос об эвакуации:

«Во время отступления белых мне приказали отступить но женщина из Юговского села сказала не отступай тебя наши дорогой убьют но мне пришлось уехать на покос выкопать землянку и пожить копали 3 мужика а семя была на квартире на выселке но багаж был в землянке в месте снаме И хранили вто время чужих спрятанных лошадей» [14, л. 269 об.].

Дело в том, что село Юговское (напомню, место «советских подвигов» Василия Ивановича) расположено к востоку от Юго-Осокино, у развилки тракта Оса – Кунгур. Перспектива быть убитым по дороге, о которой сообщила неназванная женщина, была, по-видимому, вполне реальна. Волокитин поверил, испугался и решил спрятаться. Тут в его меморию случайно попала еще одна повседневная практика времен Гражданской – он при помощи трех мужиков отрыл землянку-схрон, где спрятал имущество и лошадей – чужих, о которых он пишет, и, скорее всего, – своих, о которых не упоминает. Мотив понятен – лошадей конфисковали и отступающие белые, и наступающие красные.

Если попытаться интерпретировать весь этот дискурс о революции и Гражданской войне в целом, то позиция Василия Ивановича в нем вполне определена – он герой и союзник советской власти, поэтому впоследствии, при белых, – жертва (едва не погиб), деятельный сторонник репрессируемых (своих родственников). Что касается контекста, то первое, что приходит в голову, – пресловутая «банальность зла». Отстраненность интонации повествования (патетика присутствует только в словах земского деятеля) только усиливает ощущение происходящего кошмара: соседи отправляют на расстрел соседей. Не щадят даже детей. Спасенный отец, рыдая, падает в ноги сыну, едва не ставшему его невольным убийцей. Судьбы людей решаются криком на сельском сходе: «забрали опять Ивана Ефимыча Толčkова который находился в рев требунале и занего хлопотал но брат его примне каменданту сказал таковской был туда ему дорога И нечего не вышло его отправили в Сибирь а Виктора после поймали Они убили Рябова П. И после суда как дезертира его расстреляли» [14, л. 269 об.]. Но ведь и сам Волокитин не щадил когда-то «тусков и кулачков», когда с винтовкой в руках устанавливал новую власть.

Василий Иванович не упоминает в своем заявлении о том, как он вместе со своим и чужим имуществом выходил из подполья. Он сразу переходит к тому, как хорошо ему зажилось после возвращения «своей сов власти», как его чествовали и отличали:

«...меня после стали выбирать наразные собранея благодаря сов власти я выехал на выселку при помощи сознательных соседей навьселке я служил членом поселкома и ходил согласно изданной инструкции проверять укаждого хлеп во особености в своей десятке наверно

кому небусть и был врак И слышал не черт толкал но сам попал И служил членом сельсовета 2 года и ежегодно миня выбирали на разные собранья И выбирали вучителя учет взрослых но я отказался что у меня оказалась болезнь припадочная но миня токо уволили по справке больницы» [14, л. 269 об. – 270].

Волокитин быстро понял, что, будучи маленьким советским начальником, он неизбежно наживает врагов («кому небусть и был врак»), но от должности не отказывался – пока не получил легальную справку. Особенно беспокоил его конфликт с артелью «Пролетарский пахарь», поскольку, по мнению Василия Ивановича, именно он привел его в итоге в категорию «лишенцев»:

«И выбирал сель совет раздать семена суполномоченным по магазине поразрешению и пориказанию сель совета приказано было в перву очереть дать семена семе красноармейской инвалидам беднякам И остальным семям было много прислали приказ пролетарский пахарь тоже вперву очердь Я спросил какому приказу вашему верить Они сказали первому но у меня уже было проведено собранее я распрделил попервому и роздал и зато поимел пролетарский пахарь злобу и то лишили права голоса отец сыновьями Дружинины и урядник Мухин которова они из колхоза вычистили а у меня причину нашли я служил стражником 6 месяцев» [14, л. 270].

Положение Волокитина позволяет нам увидеть социальную политику советской власти в первые годы ее осуществления глазами непосредственного низового агента – уполномоченного сельсовета. Приоритетными объектами государственного попечения являлись семьи красноармейцев, инвалиды и бедняки. Но рядом существовала артель «Красный пахарь». Василий Иванович не относит ее членов к колхозникам, которых впоследствии будет называть с большой буквы «Колхозы», а образованный в 1930 году колхоз (он упомянут далее) получит другое название – «Смычка». Так вот, артель – тоже была определена приказом как приоритетный объект. Но Волокитин уже успел распределить семенной фонд, формально его решение было даже одобрено, но забыто не было – «поимел пролетарский пахарь злобу».

В заявлении не указано, когда именно поселковый избирком внес нашего героя в списки граждан, лишенных избирательных прав. Эта мера резко ухудшила положение его хозяйства: лишенцы подвергались дополнительному налоговому обложению. К 1935 году он, вновь проявив характер, выхлопочет отмену этого решения и получит соответствующий документ из Свердловска. Но будет поздно: «Видимо я был опять почемуто обложен как лишенец но я вто время был восстановлен велико говене на последней неделе поста и документ был представлен Половодову» [14, л. 265].

С этого момента период весьма относительного благополучия («благодаря советской власти и сознательных людей выехал на хутор по среднему я не живал токо слошадю и коровой вместе жил годов пять» [14, л. 270–270 об.]) закончился, и автобиография Василия Ивановича постепенно превращается в «историю моих бедствий». Хотелось бы обратить внимание на то, что приведенный выше фрагмент не оставляет сомнений в том, что внутренне время Волокитина определялось церковным календарем («велико говене на последней неделе поста»). Он был глубоко верующим человеком и, как тогда говорили, «активным церковником». Поэтому вполне ожидаемо в пространстве его жизненного мира появляется будущий антагонист – «поп Раскашиков», и, что характерно, – сразу в связи с «великим переломом»:

«...вовремя арганизации Колхозов я пришол к Раскашикову он спросил что не записался в колхоз я сказал что нет я непойду виду своей болезни и нетрудоспособной семи воти говорит хорошо что нейдут многие насаказал уж очень много нейдут и нестоит посмотри сказал он на блокаду⁹ что наней написано заходи в колхоз на борбу против религии... Если запишешся

⁹ На плакат.

то не будут опускаться молиться а будут заставляя работать как праздник то пуше будут заставляя работать» [14, л. 270].

Волокитин не догадывался тогда, да и к моменту написания заявления не понял, что произошедшее событие («арганизация Колхозов») неизбежно приведет к коллапсу привычного ему уклада повседневной жизни. Он неоднократно подчеркнет в тексте, что ни в коем случае не выступал и не выступает против колхозного строительства. Но в колхоз не пошел. С трогательной наивностью он предложит «сов власти» свое объяснение – я, дескать, инвалид, да и семья такая же («Жена 3 группы двум сыновьям по 8 лет. Одному 17 лет у него тоже ломаная нога на ней растет хрящ вот какое мое семейство» [14, л. 264 об.]). Василий Иванович намекает, что он в колхозе только обузой будет, и не прямо, но вполне явно просит оставить его в покое, позволить жить по-прежнему. Но хотя высказывание о несовместимости религиозной и колхозной жизни вложено в уста священника, само появление в тексте этих слов далеко не случайно. Знакомство с материалами архивно-следственных дел позволяет автору утверждать, что подобный аргумент для многих «активных церковников» мог стать решающим. И Волокитин сделал свой выбор.

Последствия не замедлили сказаться. В 1930 году Василий Иванович впервые подвергся репрессиям со стороны «своей сов власти». В анкете он указал, что был осужден «за неуплату хл/загот. – 1 г. условно» [13, л. 78], но в заявлении об этом деликатно промолчал. С этого момента в ткани его воспоминаний происходит смысловая рокировка. Он больше ни слова не сообщит о своей хозяйственной и общественно-политической жизни, вплоть до полного ее краха осенью 1935 года. Все внимание мемуариста отныне сосредоточено на жизни юго-осокинского церковного прихода и сфокусировано на фигуре «попа Раскашикова». Тем не менее в деталях этой истории по-прежнему можно разглядеть черты повседневности ушедшей эпохи.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что приходская жизнь села Юго-Осокино еще в начале 1930-х годов буквально была ключом. Бушевали страсти, плелись интриги, проводились выборы. Церковный актив с переменным успехом вел борьбу с настоятелем местного храма. Участниками событий становились то местная милиция, то органы НКВД, то руководство Кунгурской и Свердловской епархий.

Если попытаться собрать разрозненные свидетельства Волокитина в осмысленную хронологическую последовательность, получится примерно следующее.

Осенью 1933 года приходской священник о. Иоанн (Рассказчиков) был запрещен в служении епископом Кунгурским Владимиром. Поводом стало недовольство прихожан. «Поп Раскашиков» был неоднократно замечен в пьянстве:

«О его поведении пьянства как он Раскашиков своих прихожан которые на него жаловались церковному совету и он тех прихожан позаочно ругал сволочами и угрожая что я с ними разберус. Ему заявлял староста Горбунов чтобы он меньше пил вина. Он ему вот ответ сказал что мне в старо время не указывали. И вам не придется» [14, л. 262 об.].

Он присваивал деньги из церковной кассы и распродал не принадлежащее ему имущество: «...виду его нехорошего поведения как пьяницы и форменного вора замеченного мною в деньгах искасы 3 руб. И оздаче риз сиконы Царьдавыда и Николая Чудотворца» [14, л. 261].

Но последней каплей стало нарушение канонических правил при венчании браков: «Раскашиков был запрещен за неправильное винчане свадеб венчал почти братьев сестрами и не исполнилось совершенного возраста» [14, л. 265]. Проблема неканонических браков, особенно повторных (как тогда говорили «разведенных»), в жизненном мире западноуральских крестьян была, как ни странно, значимой темой. Знакомство с документами позволяет автору утверждать, что о ней говорили приходские священники, благочинные, активные церковники, к ней обращались епископы и т.д. Это свидетельствует о том, что в повседневной жизни церковный

брак сохранял статус обязательного – хотя и совершался только по предъявлении документа из отдела ЗАГС. Священник, совершивший таинство не по канону, рисковал стать в глазах прихожан «безблагодатным», но чаще всего дело решало появление «барашка в бумажке». Вероятно, именно за это и поплатился о. Иоанн (Раскашиков).

Священник немедленно стал «хлопотать»: направлять ходяков к епископу, но тщетно («приехали настыжены»). Пытался дать ему взятку – крупчаткой: «В то время не стало серебряной ризы с иконы видимо ушла в торогсин за крупчаткой подарить епископу. Но епископ их с подарками прогнал» [14, л. 265]. В итоге «поп Раскашиков» дождался вызова в районный отдел НКВД. А возил его туда как раз наш герой:

«...1933 году осени был приказ из Н.К.В.Д. Раскашикову немедленно явится Н.К.В.Д. Горбунов¹⁰ послал миня вести Раскашикова в Конгур мы сыном приехали за Рас. Горбунов примне лично дал руку Раскашикову вочто либо не встало друг друга выручать совсем но я поеду теперь вывертываться но если миня арестуют то вы здесь мою жену не оставляйте также и меня. Тут подошел священник Будиков. Он его заставлял заступит служит Вюгоосокине место сибя но Будиков на ето не согласился и руки ему не дал. Я говорит едак служил где то но один грех тому дать надо и сибе нечего поетому я не намерен суды переходить. Мы склали багаж и поехали в Конгур» [14, л. 266].

«Склали багаж» в данном случае означало то, что о. Иоанн (Раскашиков) собирался, что называется, «с вещами». И за женой приглядеть просил не зря. Но все обошлось:

«Раскашиков утром убежал в собор пришел из собора и сказал что придется ити в Н.К.В.Д. пошли не доходя он [снял] сибя плащ и одал мне я его надел на себя и он мне вто время дал пакет весом в полфунта и сказал что миня если арестуют то одай моей жене но скоро он вышел и попросил пакет я стал вынимать он сказал пусь пока утебя ето говорит ризы сиконы собственно совей я хочу ее здать в тороксин... Из Перми он ездил в Свердловск к епископу ему был дан документ нехоршей ему там места не дали и он из Свердловска приехал обратно на кануне Михайлова дня» [14, л. 266 об.].

«Поп Раскашиков» остался без места. Священником в Юго-Осокино был назначен о. Александр (Калагирев), а выведенный за штат батюшка стал готовиться к переезду. Тогда случилась вторая описанная Волокитиным поездка в Кунгур. Вспомнил он о ней благодаря довольно прихотливой ассоциации – речь зашла о кампании по снятию колоколов:

«Во время снятия колоколов и разбития их Раскшиков мне сказывал усебя в накрвартире что в 1933 году он ходил бороться не давать снимать и разбивать если бы подошел отец Еграв да еще кто небудь тобы мы емя дали но сказал что народ стал подходить они стали стрелять я говорит спросил что вы делаете народ пугайте оне сказали мне что нет ворон... После этого мы поехали сыном повезли Раскашикова с багажом в Конгур... утром Раскашиков ушел и приходит зпрягайте лошадь поедем за мукой запрегли поехали в тороксин нагребли полон мешок муки и уехали обратно на квартиру сходили в РИК. Он там чтото ругался там и кричал громко с Ваулиным и вытаскивали газеты друг другу но Раскашиков скоко не бегал отстола к столу но ему дали одбой... поехали домой стали проежать мост тут на правой руке лежал осколок колокола он сказал мне видишь что теперь советцкая влась ломат колокола. А после ей по загровку на ломают... Мы остановились. Он ходил за вином но купил какойто фруктовой есенцей... Когда поехали я спросил что здали он сказал золотой смотри не сказывай не кому. Я спросил его видно не все здали он ответил я не дурак емя сдавать. А теперь бы говорит было золото дак мы бы пожили с тобой» [14, л. 265 – 265 об.].

¹⁰ Горбунов исполнял обязанности церковного старосты в Юго-Осокино до перевыборов в 1934 году.

В деликатной форме Василий Иванович доносит властям, что его злопыхатель выступал против кампании по снятию колоколов, высказывал антисоветские настроения и незаконно хранил золотую монету, которую и реализовал в торгсине. Хотя речь идет о событиях почти трехлетней давности, образ попа, нагребаящего «полон мешок муки», явно сидит занозой в памяти. Обмолвка заставляет предположить, что Волокитин частенько жила впроголодь, и для него приобретение целого мешка муки – событие отнюдь не рядовое.

А вот на выборах церковного совета на Пасху 1934 года (она пришлась на 8 апреля) он всякую деликатность отбросил. Была настоящая «баллотировка по-европейски», с дебатами. В них Василий Иванович принял деятельное участие:

«...я Раскащикова обличал воров и пьяницей перед всем приходом потому что Рскащиков не имел некакова права здавать ризы в Второксин и расхищать церковное имущество без разрешения Рика потому что опись была зделана Риком. И церковный совет тоже не имел права без разрешения потому что имущество считается государственным» [14, л. 261].

И он все-таки одержал электоральную победу: «Подошли кассе Горбунов ключи бросил и здавать не хотел. Сказал хотя бы мне за труды дали на поллитра ему дали денег и он тогда показал воск и свечи воску и свеч было 72 фун. И одал ключи» [14, л. 261]. После чего последовало окончательное моральное и гражданское падение «попа Раскащикова». Он совершил в церкви откровенную кражу:

«27 сентября 1934 года ворвался в церкву своим ключом и украл у сторожихи в кассе 23 рубля денег при выходе в калидоре сторожихе попал в стречу она его спросила куда ходил в церкву. Она сказала что церква заперто. Он ей сказал что нужно запирачь на два замка. В то время прихожане и члены церковнаго совета заявили милиционеру и они на месте осмотра составили Акт» [14, л. 262].

Волокитин продолжает, используя все доступные ему возможности, конструировать свой образ в глазах «сов власти». Он показывает себя честным, лояльным, высокоморальным сторонником «социалистической законности» на фоне аморального, нелояльного и преступного попа. К концу 1934 года он одержал над ним полную символическую победу. Но тот затаил злобу.

Тут мы переходим к той части автобиографии крестьянина, которая является смысловым центром, кульминацией и одновременно финалом его истории. По версии Василия Ивановича, именно о. Иоанн (Расказчиков), Горбунов и Вялых стали источником слуха о том, что во время поездки в Москву его обвинили в ведении антисоветской агитации.

Поездка действительно имела место. И о ней не знали разве что пчелы на пасеке колхоза «Смычка». Дело было так:

«...ко мне пришли односельцы с выс[елок] В-Талица Горбунов Иван Федорович, Костров Ал-др Иванович и Горбунов мне сказал: Мы думаем ходатайствовать в центр насчет снижения налогов и думаем послать ходока». Я ответил, что и я с удовольствием присоединюсь, после этого хотели послать Лузина Андриана Серг., но я выразил свое согласие съездить лично, т.к. по пути можно бы увидеться с сестрой и решили, что поеду я. После этого ко мне на квартиру приходили сельчане, приносили деньги и некоторым я даже сам писал заявления. Собрав заявления и деньги, я взял в с/совете справку и выехал в Москву» [12, л. 79 об. – 80].

Набралось 13 заявлений, денег собрали «всего, кажется, 120 р.». Вот что пишет в записке Волокитин о дальнейшем:

«...я ездил в Москву и нечегоне збавили виду что не было собой копий обекта обложения и справки сициального положения. Но Вялых Горбунов и Раскащиков нагло врут что мне в Центральном Исполнительном комитете дали статью 58.10. Это совершенно ложно и не

справедливо. Я думаю что у верховной власти сидят люди не глупы. Если бы заслужил то тоже там в особенности тюрьма есть для нашего брата. Но миня токо пожалели что не превес копию обекта обложения и научили как подавать и сказали поежай домой и поскорей подавай заявлние через сель совет» [14, л. 263 об.].

Перед нами типичные паттерны крестьянской ментальности. Во-первых, на неправильные действия по налогообложению власти местной следует жалоба прямо власти верховной. Какое-либо представление о «правильном бумагообороте» отсутствует. Во-вторых, в верховной власти люди не глупые и крестьянину сочувствуют. Но, в-третьих, Василий Иванович несколько не сомневается, что и у верховной власти «для нашего брата» тюрьма всегда найдется.

Когда Волокитин вернулся из поездки, он попал в ситуацию, которую шахматисты называют «цугцванг» – любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции:

«Но мне когда я приезжал тогда дома уже пришла бумажка сверятся раисполком но врай исполкоме я сверялся 3 раза мне сказали тебе соопчится через сель совет скинется нет но соопчим но результата некакова не получил. А получил бумашку за невыполнение августовских хлебо заготовок 500 руб. штрафу с трех суточным сроком» [14, л. 263 об.].

Василий Иванович попросил разрешения продать лошадь – и расплатиться со всеми долгами. Он пытался удержаться в пределах легальности – не отказывался ни от хлебозаготовок, ни от уплаты налогов, но пытался доказать, что платеж должен быть сокращен:

«Я сказал если я винват то пожалуйста но налог начислен не правельно. Когда была регистраця посева обект обложенея обложен не по регистрацее у меня рыночных доходов продано сена два воза за 50 р. А картошка продана в Государственное Миро приятие на белую Горю но на рынок ни чево ни фунта не продаывал. А поставлено 915 руб. Сенокоса поставлено 5 га дали 3 га ½. Побочных заработок было 140 руб. В окладном листе 1000 руб. счемото много не упомяну. Против колхозника я должен обложится на 20 процентов. И должна быть скитка на инвалидность как я инвалид 2 группы» [14, л. 264 об.].

В продаже лошади ему отказали. Волокитин оказался не в состоянии выплатить штраф. Приступили к описи имущества:

«Я сказал описывайте тогда сразу за все налоги. Описали все хлеп на корню но я от хлебо заготовок не отказывался также и от налогов но просил что начисление не правильно просил снижения налога и хлебо заготовок но месная власть не осознала и описала все токо не описали сено картошку и немного зеленой горох» [14, л. 263 об. – 264].

Тон повествования по-прежнему нейтральный. Наш герой не осуждает «сов власть» за ее действия. Он словно не понимает, что речь идет о его судьбе и жизни.

Описанное имущество было продано немедленно и с нарушениями процедуры, что снова беспристрастно фиксируется Волокитиным:

«Опись была в пятнице числа не помню в сентебре месяце до первого срока в субботу продали. А воскресене отобрали все описано продавали без торгов. Колхозы мне говорили почему без торгов но я незнаю колхозам нужно было завозню¹¹ 5 сажен и 4 сажен стены она в описи была 350 р. А документ принесли за 250 руб. Почему так если при мне председатель Смычки спрашивал Бельшева кому она продана. Он сказал в мотоес¹² за 350 руб. но если они сегодня денги не одадут то ты принеси денги я вам одам за 350 р. Но председатель Смычки Толчков спросил припятствий не будет я сказал что нет пожалуйста. Толчков ушел за денгами» [14, л. 264].

¹¹ Пристроенное к амбару крытое помещение для телег и саней.

¹² Имеется в виду МТС.

У Василия Ивановича уже разбирают надворные постройки усадьбы. Той самой, где он пять лет счастливо прожил при советской власти «с лошадью и коровой». Он не препятствует. В его заявлении есть эпизод, где Волокитин вспоминает состоявшийся все-таки суд над своим «злым гением» о. Иоанном (Расказчиковым): «...я думал Раскащиков нам попался я его мол пообличаю на суде Комова председателя просил Он сказал суду понятно садись но защитница Винокурова говорила желательнее бы выслушать но я *непосмел должен повиноватся* (выделено мной. – А.К.)» [14, л. 267 об.]. Именно так – «Несть бо власти, аще не от Бога» (Рим. 13:1). Следует отметить, что об этой черте традиционной крестьянской ментальности в России сказано более чем достаточно: и о превосходящей всякое разумение терпеливости, пассивности, неспособности на индивидуальный (не в толпе, не скопом) протест и т.п. Но, как правило, эти оценки даны в перспективе внешнего наблюдения. А иногда стоит услышать их от первого лица, причем – вскользь, запросто, без надрыва и самолюбования.

Он еще пытался исправить ситуацию. Просил оставить в хозяйстве уже описанную за долги лошадь – для того, чтобы все-таки выполнить хлебозаготовки. Но получил очень внятный ответ:

«Вовремя одбора я просил Бельшева оставить лошадь на руках покудов не выполню хлебо заготовки. Но Бельшов мне сказал что тебе одному с намя трудно боротся. Я ему сказал что я против етого ничего не имею если нужно то возмите все что у меня нужно. Он ответил теперь приткнем по днохоть¹³» [14, л. 264 об.].

Волокитин так и не понял, что происходящее вокруг – не обычные, исправимые повседневные затруднения, которые можно разрешить, используя личные, семейные связи, помощь «сознательных соседей», хлопоча перед начальством, отправляясь ходоком в Москву. Речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть. Его жизненный мир сворачивался, как шагреневая кожа. Василия Ивановича действительно «приткнули под ноготь», а затем и арестовали.

Для полноты картины осталось добавить, что и само его заявление не возымело никакого действия. Оно наглядно демонстрирует, что автор текста даже после следствия и суда так и не смог правильно оценить произошедшее с ним. Потому что продолжал оставаться частью вполне самодостаточного, практически герметичного уклада жизни. В котором родился и вырос. В котором сумел пережить катастрофу Гражданской войны. Полюбить советскую власть и оказать ей немало услуг. Но полюбить – без взаимности. И вместе со своей несомненной лояльностью, энергией, живучестью, «царистскими» иллюзиями и религиозной нравственностью, он все-таки стал жертвой глобального процесса, для описания которого у него буквально «не хватило языка».

В.И. Волокитин был осужден ОСО при НКВД СССР, которое «не глядя» определило всем фигурантам дела одинаковое наказание: три года исправительно-трудовых лагерей. И он убыл этапом в г. Мариинск, как и было сказано.

Список литературы

1. Препровождение выписок из постановления Особого Совещания при НКВД от 21.01.1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 10. Л. 86.
2. Людтке, А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке / под общ. ред. С.В. Журавлева; пер. с англ. и нем. – М.: РОССПЭН; Герман. Ист. ин-т в Москве, 2010. – 271 с.
3. Козлова, Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Козлова. – М.: Европа, 2005. – 544 с.

¹³ Под ноготь.

4. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы / Н.Б. Лебина. – СПб.: Журнал «Нева»: Летний сад, 1999. – 317 с.
5. Кринко, Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920 – 1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.
6. Гуревич А. Казус с «Казусом»; Бойцов М. Казус с «Одиссеем» // Казус 2004: индивидуальное и уникальное в истории. – М., 2005. – С. 401–427.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 2006.
8. Орлов, И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И.Б. Орлов. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 316 с.
9. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик / пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 442 с.
10. Конецкий, В.В. Начало конца комедии / В.В. Конецкий // В.В. Конецкий. За доброй надеждой: Роман-странствие: Начало конца комедии; Вчерашние заботы. – Л.: Художественная литература, 1990. – 624 с.
11. Гинзбург, К. Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история: сб. ст. / К. Гинзбург / пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. – М.: Новое издательство, 2004. – 348.
12. Дополнительные показания обвиняемого Волокитина В.И. от 12.10.1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 6. Л. 79 об. – 80.
13. Протокол допроса обвиняемого Волокитина В.И. от 12.10.1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 4. Л. 78.
14. Заявление Волокитина В.И. от 25.10.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 261 – 270.
15. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

References

1. Preprovozhdenie vypisok iz postanovlenija Osobogo Soveshhanija pri NKVD ot 21.01.1937 g. PermGASPI. F. 643/2. Op. 1. D. 21183. T. 10, l. 86.
2. Lütke A. Alltagsgeschichte in German. Ed. by S.V. Zhuravlev. Moscow, 2010. – In Russ. – 271 p.
3. Kozlova N. Sovetskie ljudi. Sceny iz istorii. Moscow, 2005. – 544 p.
4. Lebina N.B. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gody. Saint Petersburg, 1999. – 317 p.
5. Fcpatrick Sh., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920 – 1940-h gg.: zhizn' v uslovijah social'nyh transformacij. Rostov n/D, 2011. – 360 p.
6. Gurevich A. Kazus s «Kazusom»; Bojcov M. Kazus s «Odisseem» // Kazus 2004: individual'noe i unikal'noe v istorii. Moscow, 2005. P. 401 – 427.
7. Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927 – 1939. Dokumenty i materialy. V 5 t. / Ed. by V. Danilov, R. Manning, L. Viola. Moscow, 1999 – 2006.
8. Orlov I. B. Sovetskaja povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovlenija. Moscow, 2010. – 316 p.
9. Ficpatrik Sh. Stalinskie krest'jane. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja. Moscow, 2001. – In Russ. – 442 p.
10. Koneckij V.V. Nachalo konca komedii // V.V. Koneckij. Za dobroj nadezhdoj: Roman-stranstvie: Nachalo konca komedii; Vcherashnie zaboty. Leningrad, 1990. – 643 p.
11. Ginzburg C. Miti – emblemi – spie: Morfologia e storia. Moscow, 2004. – In Russ. – 348 p.
12. Dopolnitel'nye pokazanija obvinjaemogo Volokitina V.I. ot 12.10.1935 g. PermGASPI. F. 643/2. Op. 1. D. 21183. T. 6, l. 79 ob. – 80.
13. Protokol doprosa obvinjaemogo Volokitina V.I. ot 12.10.1935 g. PermGASPI. F. 643/2. Op. 1. D. 21183. T. 4, l. 78.
14. Zajavlenie Volokitina V.I. ot 25.10.1936 g. // PermGASPI. F. 643/2. Op. 1. D. 21183. Veshhestvennye dokazatel'stva po delu 21183, l. 261 – 270.
15. Gurevich A.Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury. Moscow, 1984. – 350 p.